

академика, и когда его старший сын достаточно подрос, он повел его в Академию и заставил почтительно поклониться всем ее членам.*

Ракам рассказывает, что он как-то пообещал пистоль некоей своднице за то, что та познакомит его с молодой барышней; вместо этого она познакомила его с какой-то неряхой, которая ничуть не походила на барышню. Ракам дал своднице лишь монету в четырнадцать с половиной су, т. е. четверть монеты в пятьдесят восемь су: они были тогда более в ходу. — «Что это?» — спросила женщина. «Эти четырнадцать су, — отвечал Ракам, — вполне сойдут за пистоль, колц, по-нашему, служанка, которую вы подсунули мне, может сойти за барышню».

Однажды кто-то перевел ему несколько эпиграмм на греческой антологии; Ракам нашел, что они глупы, и с тех пор такие вирши называл «Стихи на греческий манер». В ту пору он как-то обедал у одного знатного сензора, где подавали суп, в коем много было воды. Обращаясь к одному из своих друзей, с которыми они вместе читали эпиграммы, Ракам сказал: «Вот суп на греческий манер».

Один из его соседей подарил ему как-то прекрасные оленьи рога. Ракам велел своему лакею, сопровождавшему его верхом, отвезти их домой. Час был поздний, и Ракам стал торопить слугу; тот ему и говорит: «Сударь, мне не раз приходилось носить то, что вы велите мне везть, каких только рогов я не носил; вы, видно, не знаете, как это нелегко, а то не стали бы ко мне так приставать».

После своей женитьбы и смерти г-жи де Бельгард Ракам командовал эскадронном дворянского ополчения. Он рассказывает, что никак не мог добиться от своих ополченцев, чтобы они несли караул и выполняли всякую иную службу и днем и ночью; пришлось, наконец, вызвать пехотный полк и всех посадить под арест. Однажды на марше, не помню уж по какому поводу, протрубили тревогу; возвратясь от генерала (у которого в ту пору он был с докладом), Ракам увидел, что все его люди, как один, стоят наготове со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, хотя, чтобы добраться до них, неприятелю понадобилось бы пробиваться сквозь девять эскадронов. Один даже всадил пистолетную пулю в плечо впереди стоящего товарища.

Чудак Ракам после смерти Малерба в течение двадцати лет не написал ни единого стиха. Наконец, как-то в деревне он вернулся и поэзии и сделал несколько, по его словам, наивных, а в сущности весьма безвкусных переводов псалмов. Впоследствии к уже напечатанным псалмам он написал Парафразы,⁹ где встречаются превосходные стихи, но все это уже не идет ни в какое сравнение с тем, что он писал когда-то.

Когда Ракам стал (в 1650 г.) опекуном малолетнего графа де Морана из рода де Бюзэ, муж матери графа вызвал Поэта на дуэль. «Я очень стар, в у меня одышка», — говорит Поэт. «Противник будет драться

* См. «Историю Академии».